

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Перечитанный Леонов

Л.П. Якимова. Повести Леонида Леонова о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 258 с.

Аннотация: В рецензии дается обзор новых интерпретаций ранних повестей Л.М. Леонова, предложенных в книге Л.П. Якимовой.

The review analyzes L.M. Leonov's yearly works' new interpretation that was suggested by L.P. Yakimova.

Ключевые слова: ранние повести Л.М. Леонова, реинтерпретация творчества, проблемы творческой эволюции.

L. Leonov's yearly works (stories), creative works' re-interpretation, issues of artist development.

УДК: 821.161.1 (091) «19»–31.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: dzerv@philology.nsc.ru.

Русский философ-эмигрант, Г.П. Федотов, в 1936 году в статье «Тяжба о России», характеризуя человеческие типы России 1930-х и называя два основных ее типа: рабов и строителей, – призывал своих современников не забывать о тех «третьих», «скрывающихся по «пещерам и ущельям» советской жизни», чей голос не доходит до мира. Именно на них возлагал надежду философ: «Есть еще одна категория людей, которых мы не опросили в нашей анкете и которые не могли бы дать нам никакого ответа. Ибо это категория молчащих. <...> Среди онемевших писателей есть совсем молодые, иной традиции, люди Октября, для которых пришла пора задуматься над смыслом жизни. Чудом дошедшие “письма оттуда” рисуют очень молодую культурную среду, живущую вечными вопросами духа. Может быть, это и не молчаливники в полном смысле слова. Может быть, это юноши, каждый в своей специальности, в математике или теории искусства, пишут книги как-то выражающие себя. Но не до конца... Чем дальше идут годы, с их охлаждением революционного и вообще социального энтузиазма, тем большее число молодых и на все 100 % советских людей, которые ставят себе вечные и такие русские вопросы: зачем жить? Что делать? Эти вопросы, может быть, измучат юношу, у которого так мало сил и средств для ответа, доведут его до самоубийства... Да и ответы кому-нибудь да откроются. Самое замечательное, то, что эти вопросы, в робкой и часто рабьей маскировке, просачиваются в литературу. Иначе и быть не может. Не может вся литература великого народа исчерпываться поверхностным социальным заказом» [Федотов, 1991, с. 369-370].

Эта обширная выдержка из работы русского философа могла бы послужить эпиграфом к новой книге Л.П. Якимовой, основной посыл которой можно выразить словами ее автора: «Л. Леонов оказался в числе тех оставшихся в России писателей, кто в условиях победившего большевизма не сошел с опасного пути по-

исков ответа на самые острые и мучительные, поистине роковые вопросы российской действительности; и его первые же произведения о современности оказались объединены неотступной последовательностью мысли о русской революции как факторе не просто политическом, но феномене антропологическом, онтологическом, экзистенциальном» (с. 19–20).

Л.П. Якимова впервые предложила прочесть произведения Л.М. Леонова «рекурсивно», взглянув на предшествующее творчество как логически предвещающее и закономерно приводящее к последнему философскому роману «Пирамида» (1994). Поэтому появление книги можно считать очередным шагом на пути нового прочтения творчества Леонова. Последовательно рассматривая подтекстовое содержание, Л.П. Якимова предлагает абсолютно новую концепцию, основанную на собственной интерпретации пяти повестей Л. Леонова: «Петушихинский пролом», «Конец мелкого человека», «Записи Ковякина», «Провинциальная история», «Белая ночь». Анализ произведений Леонова базируется на таком понимании основополагающих принципов леоновской поэтики, для которого становится важным учитывать категории подтекста, интертекстуальности, мифологизма. Учитывая же их, становится возможным прочесть произведения, «не минуя» внутреннего смысла.

Исследовательница не раз подчеркивала, что фигура Леонова особняком стоит в русской литературе XX века. Воспринимавшийся массовым сознанием как один из классиков соцреализма, хотя и сложный, трудный для быстрого чтения, отчасти «скучный», писатель целиком никогда не вписывался в рамки названного метода, и новая книга с необычайной остротой ставит вопрос рецепции творчества Леонова. Местами тон книги полемически заострен, и этот факт обусловлен тем, что позиция исследователя идет вразрез с традиционным, годами устоявшимся взглядом на ранние леоновские повести. Само название книги Л.П. Якимовой «Повести о революции и гражданской войне...» – революционно и показывает, насколько новаторским является их прочтение, поскольку повестями о революции анализируемые повести еще не именовались и в цикл не объединялись. В советской критике, и это хорошо проиллюстрировано в книге, повести прочитывались скорее как «картинки из отжившего мира», в каждой из которых в центре оказывался некий чуждый новой жизни социальный «элемент», обреченный кануть в лету вместе с пережитками старого мира. Право на присутствие в повести и на авторское внимание такому герою могло дать лишь восприятие его в сатирическом ключе. Причем в каждой из повестей советскими критиками обязательно находились изъяны, относившиеся на счет молодости их автора и недостаточной его идеологической подкованности. Разумеется, автору этих повестей вполне по плечу были требуемые шаблонные сюжеты и конфликты, уровень владения словом и в целом «писательским ремеслом» позволял ему справиться с требуемыми критикой задачами. Однако его художественная задача была совершенно иной. Повести рассказывают о том, как вторгается революция в повседневную жизнь «уездной» России, как случившаяся «смута» переворачивает жизнь обычного человека, разрушая вековые устои. И голоса героев, которым доверен рассказ, вовсе не столь наивны и комичны, каковыми их порою хотела слышать критика.

Чтобы выдвигать утверждение, противоречащее сложившейся традиции восприятия леоновских повестей, необходимо оперировать вескими доводами. Особенно актуальным вопрос о «перепрочтении» становится в нынешней ситуации, когда оно порою затевается как дань новой моде видеть в произведениях той далекой поры «тайные шифры» и «скрытые знаки» [см., например: Сарнов, 2006, с. 5–43], а ведь многое действительно нуждается во вдумчивом, непредвзятом перечитывании! [см.: Лейдерман, 2008] Важно, что автором исследования при прочтении повестей Леонова учтено огромное количество автокомментариев пи-

сателя, звучавших в беседах, письмах, интервью, учтены факты биографии, ставшие известными недавно, благодаря дочери писателя, Н.Л. Леоновой.

Неизбежно встает вопрос о выявлении авторской позиции, о том, как «при преобладающем характере персонажного видения мира выделить авторскую тональность? где пролегает граница между голосом героя и позицией автора? что определяет и как обнаружить величину зазора между ними?» (с. 21). Ответ на эти вопросы не так уж часто интересует исследователей творчества Леонова. В результате чего ему зачастую приписываются совершенно противоположные по смыслу взгляды и позиции, порою взаимоисключающие друг друга. Кто же прав, как слышать в разноголосице мнений голос писателя?

Авторская оценка в повестях дана не прямо. Она – в апеллировании к «вечным сюжетам» культуры через сюжетику, мотивы, имена, и в экспрессивных деталях, и в особом строе речи. Так, герой «Записей Ковякина», ведущий свои незамысловатые записи о происходящей послереволюционной смуте уж как-то подчеркнуто провинциален, а в речах «своеобычен» до такой степени, что неизбежно «проговаривается» о «событиях быстротекущей жизни»: язык его записей своеобразен и выразителен. В «Провинциальной истории» сияет зачем-то звезда. В «Конце мелкого человека» персонажи ведут беседы в ключе Достоевского, для времяпровождения рассказывая друг другу самые постыдные эпизоды своей жизни, а эпизоды эти оборачиваются уже известными русской литературе сюжетами. Здесь же герой в не то во сне, не то наяву спорит с «фертом» – не то чертом, не то собственным альтер-эго. В «Белой ночи» появляются подстрочные комментарии и выразительные детали. Скрытая полемика требует богатого художественного инструментария, и арсенал художественных средств оказывается близок достижениям Достоевского, как их осмыслиют современные исследователи [см., например: Хоц, 1991, с. 22–39]. Непрямая оценка, данная словно «изнутри», в нескончаемой схватке противоречий, локализованная в деталях пейзажа и быта, отдельных «словечках», даже в датах и числах постоянно обнаруживает себя. Л.П. Якимовой найдено в богатом арсенале нынешней теории анализа художественного текста понятие, адекватно описывающее механизм «работы» внутритекстовых связей в леоновских произведениях. Для понимания феномена художественного почерка писателя оказывается продуктивным понятие «когезии», т.е. связности: «Связность (когезия) – повтор звуков, грамматических форм, индексальных знаков, имен собственных и т.п. – как правило, лежит ниже порога восприятия, т.е. рядовой читатель не останавливает на них свое внимание. Оно направлено на то, ради чего создается текст, – на передаваемую им информацию. Вследствие этого содержание (цельность) усваивается как бы “поверх” связности» [Лукин, 2005, с. 81–82].

Ситуация с названными повестями Леонова оказывается сродни уже имевшей место в истории русской литературы ситуации с произведениями Ф.М. Достоевского. Нынешним словам исследователя творчества Леонова оказываются поразительно созвучными слова исследователя творчества Достоевского, сказанные несколько десятилетий назад: «Авторское мнение о герое и его поступке в романах писателя не распознано как некоторыми современниками, так и многими последующими толкователями его творчества» [Свительский, 1976, с. 11]. В качестве показательного примера исследователь приводит историю публикации и последующих объяснений Достоевского по поводу небольшого художественного произведения «Приговор», включенного в «Дневник писателя». Написанное в форме развернутого монолога самоубийцы-рационалиста и материалиста произведение вызвало ряд недоумений, адресованных Достоевскому после публикации. В результате чего писатель в печати «пытался объяснить свою “ошибку”: ...Я сам, когда еще писал статью, чувствовал, что нравоучение необходимо; но мне как-то совестно тогда стало приписать его. Мне показалось стыдно предположить, даже в самом простодушном из читателей, сколько простоты, чтобы он сам не

догадался о подкладке статьи и цели ее, о нравоучении ее (XI, 483)» [Свительский, 1976, с. 13-14]. Далее исследователь отмечает, что Достоевский исходил из особого доверия к читателю и не считал возможным добавлять к исповеди самоубийцы искусственный комментарий, прямо выражая свое мнение: «Не в его методе сопровождать самораскрытие личности собственным “нравоучением”, и отчасти согласившись с мнениями об ошибочности подачи последнего письма самоубийцы без авторского комментария, он полемически обосновывает свой метод... <...> Однако надо учесть и то, что «логический сюжет и его развитие не так-то прямо выражает оценку автора» [Там же, с. 14], а обнаружить ее помогает анализ композиционного оформления факта. Проблемы восприятия исследователь связывает с отрывом данной главки от предыдущей «Два самоубийства», связанной с «Приговором» по смыслу. В предыдущей главке противопоставлены две самоубийцы: рационалистка и бедная, кроткая швея, к предыстории которой писатель вернется в «Кроткой». А вот художественное осмысление логики первой самоубийцы (действительно имевший место факт) воплощено в «Приговоре», но от первого лица, как исповедь. Исследователь показывает несомненную перекличку и смысловую связь между двумя главками, обнаруживая единую авторскую «подкладку». Таким образом, общий смысл произведений открывается через их связь, единство смысла возникает в соотношении их между собой.

Ситуация с повестями Леонова 1920-х годов подобна только что названной. (Недаром Леонов так настойчиво говорил о своей «достоевской» привязанности!) Их единство возникает в связях друг с другом, в общности их глубинной авторской «подкладки», хотя сами приемы создания подтекста в повестях могут отличаться. В каждой повести Л.П. Якимовой обнаружен свой особый ключик к ее скрытому смыслу. Так, в повести «Конец мелкого человека» – это жизнестроительная метафора, в «Записях Ковякина» среди художественных средств создания подтекста проанализированы сказ, остранение, анаграммирование; в «Провинциальной истории» это ассоциации с мифом о Ное и его сыновьях в контаминации с притчей о блудном сыне; в «Белой ночи» – мотив игры в казаки-разбойники. Имя Достоевского при анализе повестей также появляется не раз. Повесть «Провинциальная история» аллюзивна по отношению к «Кроткой», «Конец мелкого человека» задает сразу несколько проекций по отношению к произведениям Достоевского. Смысл подтекста оказывается единым для всех пяти повестей: есть некие экзистенциальные начала, неподвластные власти, неотменимые ни при каком строе. Жизнь человека проблематична не только из-за социальных конфликтов, а в силу вечных, со времен Библии известных противоречий.

Леонов неоднократно подчеркивал, что литература есть «мышление в образах», повторял, что писатель он сложный и трудный и не был доволен прочтением его произведений современной ему критикой. Сложность текстов Леонова диктуется в первую очередь его творческим методом. Суть его состоит в «повышении образной емкости», в «нелегком овладении всем, что наработало человечество в области культуры за тысячелетия...» [Леонов, 1982, с. 358] – высказывания Леонова на заданную тему можно продолжать и множить. Средства, которыми достигается поставленная писателем задача – это те средства, которые описывает современная теория интертекстуальности, среди которых немалое место отведено не только «вечным» образам человеческой культуры, но и приему использования литературных образов, созвучных собственным, в форме реминисценций, аллюзий, цитат, – иначе говоря, по-разному оформленному «чужому слову». В «допирамидном» творчестве эти средства нагружались еще одной дополнительной функцией – быть «проводником» к «спрятанной координате», подтексту. В «Пирамиде» же они выполняют свое прямое предназначение – «синтезируют», вбирают в себя «всечеловеческий опыт культуры», предельно обобщая повествование о судьбах человечества во временном отрезке от Еноха до современной Леонову временной точки – концу века двадцатого.

Подобные авторские интенции требуют и равного по рецептивным возможностям читателя. Читателя так же свободно ориентирующего в пространстве мировой культуры, как и сам Леонов. Задача эта не из легких даже для исследователей его творчества. Поэтому можно с полным правом сказать, что леоновское творчество интересно скорее для читателя-интеллектуала, ценящего потаенный узор скрытых смыслов, приоткрывающихся в мифологических параллелях, интертекстах и подтекстах. Читателю, во главу угла ставящего развитие действия и захватывающую интригу, произведения Леонова вряд ли покажутся увлекательными. Вот что об этом пишет исследователь: «Если современного читателя он надеется подвинуть на сотворческое отношение к своему тексту, то по отношению к предшественникам он сам предстает как читатель, устанавливающий с ними диалогические, контактные отношения. Просвечивая действительность через миф, поверяя миг вечностью, Л. Леонов обеспечивал своему художественному тексту высокую смысловую и поэтическую емкость, полифоническую глубину подтекстового содержания. Леоновские “подтексты” – это проявление его писательской ментальности» (с. 25). Именно общее подтекстовое содержание дает основание говорить об общности рассмотренных в монографии повестей. Причем, Л.П. Якимова отмечает, что «подтексты» – это не какая-то внешняя сторона его литературных усилий, а органичное, автохтонное начало его творческого континуума. Подтекст неотменимо присущ его произведениям вследствие особой структуры его художественного мышления, он неизменно возникает в результате выявления внутренних свойств его поэтической системы» (с. 24).

Ранние произведения Леонова выводят читающего на след литературной традиции, буквально провоцируют воспоминание о ней: будь то тональность «Кроткой» или «Сна смешного человека» или «провинциальный текст» русской литературы, или мотив скуки, сквозной для русской литературы нового времени, или идиома «всё равно». И вовсе не случайным в свете сказанного представляется тот факт, что в книге много замечательных попутных наблюдений. К таковым, прежде всего, относится, исследование роли интертекстуальной детали «всё равно» в художественных текстах Достоевского, Чехова и Леонова. «Высокая степень укорененности речевой формулы “всё равно” в произведениях Л. Леонова от повести “Провинциальная история” до романа “Пирамида”, достигаемая прочностью сплава ее внутритекстового повтора с интертекстуальной глубиной в классической литературе, несомненно, свидетельствует о ее сильной позиции в тексте, позволяя относить ее к ключевым знакам текста и повести, и романа» (с. 180).

Леонов всегда выходит сам и выводит читателя к сквозным сюжетам и мотивам русской литературы, особенно интересна в этом отношении символика природных стихий, пронесенная сквозь все творчество. В книге Л.П. Якимовой говорится о мотиве ветра и о мотиве скуки у Леонова. И если мотив скуки связан с обширной классической традицией (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Чехов), то мотив ветра рассматривается в сопоставлении с современными повестям произведениями и в целом контексте темы отражения революции в литературе. Литературная традиция словно выступает в роли фона, на котором пишутся леоновские сюжеты. Но на проверку оказывается, что сюжеты из новой жизни, которые должны «перекрыть» фон, этим фоном проверяются и в нем, повторяясь, отражаются. Этот «фон» – обязательно узнаваемые знаки культуры: мифологические, библейские, литературные. Они словно «просвечивают» через ткань повествования, вплетаясь в нее именами, цитатами, парафразами. Зрелый Леонов будет говорить о «второй композиции» своих произведений, о синтетичности и интегральности, свойственной его прозе, подразумевающей высокую плотность знаков культуры в строке, будет часто приводить в пример сложные композиции Брейгеля. Так что тексты Леонова отнюдь не столь просты, каковыми могут показаться читателю неискушенному.

Отдельно стоит сказать о выявленной Л.П. Якимовой скрытой полемичности «Записей Ковякина» с окурковским циклом М. Горького. Взгляд Леонова на уездную Россию отличается от позиции Горького – автора «Городка Окурова» и «Матвея Кожемякина». Но не менее интересным было бы увидеть, как соотносятся герои и типы Леонова, автора названных повестей, и Горького – автора книги «Заметки из дневника. Воспоминания», написанной и изданной в те же 1920-е годы, хотя этот аспект вполне может стать предметом отдельного исследования.

Представленная исследователем новая книга о раннем творчестве писателя ставит еще одну важную проблему, не отраженную на ее страницах. Это проблема идентичности текстов произведений 1920-х годов и текстов, которые даны в последнем десятичном собрании сочинений Леонова. Разумеется, вовсе не сличение текстов являлось предметом книги Л.П. Якимовой, поставившей перед собою иную исследовательскую задачу. Но именно книга Л.П. Якимовой ставит эту новую задачу перед будущими исследователями творчества писателя. В свете переоценки и «перепрочтения» произведений Леонова важным и необходимым представляется ответ на вопрос: насколько менялся текст повестей со временем, если менялся вообще? Была ли то просто стилистическая правка или она коснулась каких-то смысловых обертонов? Вопрос не праздный, поскольку, как известно и роман «Вор», и последняя книга Леонова «Пирамида» на протяжении жизни менялись писателем, существует несколько их редакций, отличающихся решением судьбы главного героя и как следствие финалами.

Нельзя не отметить, как интересно книга проиллюстрирована photographиями. Здесь и сам Леонов в 1920-е – с Сергеем Есениным, с родным братом, и страница с фрагментом рукописи «Провинциальной истории».

Подводя итог, следует сказать, что книга Л.П. Якимовой открывает не только новые смыслы произведений Леонова, но и новые современные методы их прочтения. И то, и другое для сложившейся ситуации с исследованием творческого наследия писателя нынче чрезвычайно актуально.

Литература

- Лейдерман Н. Непрочитанный Горький // Урал. 2008. № 7.
- Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.
- Леонов Л.М. Талант и труд // Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 10.
- Сарнов Б. «И статья достойным доцента...» // Вопросы литературы. 2006. № 3.
- Свительский В.А. Композиция как одно из средств авторской оценки в произведениях Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Вып. 2.
- Федотов Г.П. Тяжба о России // Мыслители русского зарубежья (Бердяев. Федотов). СПб., 1992.
- Хоц А.Н. Пределы авторской оценочной активности в полифоническом «сознании» героя Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Вып. 9.